

УДК 94(57)“18/20”

А. А. Насонов

МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ В СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИЙ СОВРЕМЕННОЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)²

В статье определяется понятие «механизм распространения религии». Автор, опираясь на разнообразный источниковый материал, анализирует основные составляющие процесса распространения направлений мировых религий на юге Западной Сибири (на территории Кемеровской области и сопредельных регионов). В статье ретроспективно освещается религиозная ситуация дореволюционного, советского и современного периодов на рассматриваемой территории.

Ключевые слова: механизм распространения религии, межконфессиональное взаимодействие, миссионерство, синкретизация, стереотипизация.

А. А. Nasonov

WORLD RELIGIONS DISSEMINATION MECHANISM IN SIBERIA (ON MATERIALS OF CONTEMPORARY KEMEROVO REGION TERRITORY AND ADJACENT REGIONS)

The article actualizes the conception of an intercultural tolerance in the context of interconfessional interaction, and designates the definition “religion dissemination mechanism.” Relying on various material of historical sources (state acts, service documents, scientific reports, ethnographic materials, newspapers and others), the author analyzes the main components of dissemination directions of the world religions in the South of West Siberia, Kemerovo region and adjacent regions. In the article the confessional situation of pre-revolutionary, Soviet and present periods is retrospectively covered in the observed area. It is concentrated on trends, methods, difficulties and results of preaching actions of the Buddhistic, Orthodox Christian and Muslim adherents as well. It stresses significance of visual shapes and ethno-social stereotypes in process of the world religions expansion. Characteristics of the syncretization process particularly treated Burkhanism movement phenomenon are noted. The author makes a conclusion that present confessional situation saved several features of the pre-revolutionary period (1905–1917), however nowadays circumstances show the principal role of the religion expansion.

Keywords: religion dissemination mechanism, interconfessional interaction, mission, syncretization, stereotypization.

² Статья подготовлена в рамках реализации Гранта губернатора Кемеровской области для поддержки молодых ученых – кандидатов наук 2012 года.

Актуализация концепции межкультурной толерантности в контексте межконфессионального взаимодействия. В широком общественном сознании населения современной России понятия «веротерпимость» и «толерантность» отождествляются. При этом первое из них воспринимается как традиционный национальный феномен. И, действительно, одной из сущностных характеристик российской цивилизации и государственности является мультикультурность, а, следовательно, и в разных формах присутствовало стремление наладить конструктивное взаимодействие в силу сложившихся исторических реалий культурного разнообразия. Понятие «толерантность» часто трактуют, не углубляясь в его суть, как англоязычный эквивалент дефиниции «веротерпимость». Для широкого общественного сознания «толерантность» окрашена одновременно негативными и позитивными красками массовой культуры. Зачастую толерантность воспринимается как набор искусственных ограничений, привнесенный из стран Западной Европы и США.

Вместе с тем, понятие «толерантность» по своему смыслу значительно шире, чем понятие «веротерпимость». При этом последнее из них характерно для традиционного общества. Исходя из этимологии слова «веротерпимость», данное понятие следует воспринимать как установку, предполагающую возможность совместного существования носителей разной культурной (в том числе религиозной) традиции, поскольку в условиях этнической чересполосицы развитие практики терпимых взаимоотношений являлось необходимостью. В свою очередь, понятие «толерантность» выработано для информационного общества, в особенности, для специфической городской среды [23]. Оно предполагает не только терпимость к иной культуре, но и расширение достоверных знаний о ней посредством образовательной си-

стемы, поиск возможностей взаимодействия с целью решения социально-экономических и прочих проблем общества. Обязательными условиями толерантности являются правовое государство, наличие институтов гражданского общества и продуманного государственного курса в сфере культуры.

Примечательна тема толерантности в контексте межконфессионального взаимодействия. На сегодняшний день данная проблематика в России приобретает особую актуальность в контексте современного поиска приемлемой модели культурной и национальной политики, а также гармонизации межэтнического диалога [4]. Однако зачастую, чтобы адекватно оценить развитие современных процессов, требуется знать их предпосылки и узловые исторические сюжеты.

Межконфессиональное взаимодействие с точки зрения конфессии и ее миссионерско-проповеднических институтов всегда являлось не только актуальной, но и сложной, в определенной степени закрытой темой. Если в дореволюционный период межконфессиональное взаимодействие рассматривалось как динамичное соперничество религиозных миссий за новых последователей, и важно было предпринимать результативные действия в условиях жесткой конкуренции, то на сегодняшний день к этому добавилось осознание необходимости сохранения мирных и конструктивных межнациональных и межрелигиозных отношений. К тому же государство в начале XXI века стремится опереться на традиционные вероучения при реализации консервативного социально-политического курса и развития программ духовно-нравственного и патриотического воспитания. При этом сложно обойти стороной тему толерантности.

О понятии «механизм распространения религии». В современной исторической науке проблематика распространения религии, миссионерской работы, взаимодействия

вероисповеданий – одна из самых актуальных тем ([1; 15; 22] и др.). От описания функционирования отдельных институтов (епархий, миссий, духовных образовательных учреждений и т. п.) исследователи сегодняшнего дня переходят к системному осмыслению конфессиональных процессов. В этой связи следует говорить о механизме распространения религии.

Такое объемное понятие, как «механизм распространения религии» включает в себя ряд важнейших компонентов, которые в совокупности определяют направленность, методы, особенности и результаты внедрения вероучения и его институтов в этнокультурную среду. Среди таких компонентов выделим основные. Во-первых, это институциональная основа религии (в том числе институт проповедничества). Она консолидирует последователей вероучения в социальном и управленческом плане, позволяет при определенном уровне развития и численности ее адептов специализироваться на догматической концептуализации, отправлении и распространении культа. В теории религиоведения применяется деление религиозных организаций на группы (или школы), деноминации и церкви. Каждая из этих организационных форм имеет свои преимущества в процессе распространения вероучения. Особенности внутреннего устройства конфессиональных структур, в первую очередь, зависят от специфических черт догматики и внутрирелигиозной традиции.

Во-вторых, одну из центральных ролей в механизме распространения религии следует отнести государственной вероисповедной политике. В крупных государствах выстраивается многоуровневый курс центральной, региональной и местной власти, способствующий своими установками и мерами укреплению позиций вероучения и его адептов или, наоборот, препятствующий экспансии конфессий в пределах государственной тер-

ритории в целом или в пределах отдельных ее частей. Причем в данном компоненте механизма распространения религии следует не упускать из виду противодействие государственным органам, организациям, которым покровительствует власть, со стороны проповедников, приверженцев вероучения, поскольку запретительная политика может вызывать обратный эффект.

В-третьих, важнейшим компонентом механизма распространения религии выступает синкретизация. Ее следует рассматривать как динамичное взаимодействие и синтез элементов различных учений в рамках одного религиозного сознания. Как правило, такое явление обусловлено наложением в одном географическом пространстве векторов распространения вероучений и, следовательно, одновременным воздействием на потенциальных приверженцев двух или более проповеднических сил. Последнее обстоятельство также способствует переплетению концептуальных, основанных на Священных Писаниях и преданиях, постулатов, с одной стороны, и обыденных элементов религиозных традиций, – с другой. Причиной генерации этих народных форм является бытовое общение представителей различных этнических групп, выступающих носителями разных духовных традиций.

В-четвертых, сложно адекватно оценить все стороны процесса внедрения вероучения и его институтов в этнокультурную среду любого региона и понять закономерности распространения религии без характеристики сферы стереотипов. В этой связи возрастает актуальность изучения путей складывания этих стабильных форм. Стереотипизация – это сложный, противоречивый и неоднозначный, но, вместе с тем, динамичный процесс формирования относительно устойчивых упрощенных образов представителей другой социокультурной среды. Они транслируются, в основном, через визуальные образы, стаби-

лизируются авторитетами этнических групп (старейшинами, социально-политическими предводителями, выходцами из знатных кругов), поэтому могут передаваться и усваиваться теми членами сообществ, которые ранее не имели личного опыта взаимодействия, но нуждаются в социальной ориентации.

Как мы видим, введение и использование понятия «механизм распространения религии» позволяет нам провести системный анализ конфессиональных процессов, протекавших на какой-либо территории, учитывая различные их проявления и движущие силы.

Институциональная основа. Самую устойчивую и разветвленную институциональную основу на юге Западной Сибири имело православие. С 1830-х годов на территории Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии действовала Алтайская духовная миссия (далее – АДМ). Православные приходы включались в состав Томской епархии Русской православной церкви (далее – РПЦ). В 1920-е – начале 1990-х годов в духовном плане территория Западно-Сибирского края, затем Кемеровской области, Алтайского края, Ойратской (Горно-Алтайской) автономной области являлась составной частью Новосибирской, позже – Новосибирской и Барнаульской епархии РПЦ, включавшей южно-сибирские регионы РСФСР. В 1990 году из состава Новосибирской епархии была выделена Красноярская епархия, в ее структуре оказались приходы Кемеровской области. Такое деление сохранялось вплоть до 1993 года, когда была образована Кемеровская и Новокузнецкая епархия. В 1994 году появилась Барнаульская епархия. В 2012 году по решению Святейшего синода РПЦ в административных границах Кемеровской области была создана Кузбасская митрополия, включившая в свой состав три епархии, выделенные из Кемеровской и Новокузнецкой епархий: Мариинскую, Кемеровскую и Новокузнецкую [12].

В свою очередь, направления двух других мировых религий не смогли создать сравнимой с православием институциональной основы на юге Западной Сибири. Проповедники ламаизма традиционно опирались на духовные учреждения и объединения, находящиеся вне пределов России. До заключения российско-китайских договоренностей о государственной границе [24] культурное единство в рамках этнического пространства Центральной Азии не ограничивалось государственными барьерами. Приграничные торговые отношения имели не только экономическое значение, но и выступали одним из каналов религиозной коммуникации. О воздействии поездок в Монголию на предводителя буддийско-бурханистского движения начала XX века. **Чета Челпанова**, передавая слова купца-информатора, сообщал путешественник и писатель В. Я. Шишков [25, с. 2]. Известный сибирский энциклопедист и областник Г. Н. Потанин упоминал о прямом воздействии на коренное население юга Западной Сибири монгольских мессианских воззрений [20, с. 3].

Революционные события и упрочения социалистических режимов в России и сопредельных центральноазиатских государствах стали непреодолимым препятствием для адептов ламаизма, следовательно, только приобретающая устойчивость религиозная традиция лишилась удаленной институциональной основы в виде монастырских сообществ в Монголии.

В постсоветский период ситуация до-революционного времени вновь стала восстанавливаться, однако институциональная основа приверженцев ламаизма, заметных в духовно-культурной жизни юга Западной Сибири, еще более удалена. На данной территории активность в виде проведения Дней тибетской культуры в городах Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Кемерово, Анжеро-

Судженск проявили монахи Дрепунг, Гоман, Дацана тибетского землячества Самло, образовавшегося в Северной Индии после бегства Далай-ламы XIV из Тибета в 1959 году [11].

Присутствие мусульманского вероисповедания на юге Западной Сибири было связано с миграционными потоками казахского населения из Средней Азии. Переселенческие процессы затронули, главным образом, Алтай. В целом в институциональном плане мусульманство во многом напоминало ламаизм: каких-либо отдельных организационных структур не существовало, проповедническая деятельность не была системной и всеохватывающей. Однако следует обратить внимание на то, что в исламской традиции духовенство не было обособленной частью общества, как в христианстве и буддизме, религиозные служители-учителя (муллы) являлись непосредственными членами социальных структур этнических коллективов. Это делало общины институциональной основой мусульманства. В советский период времени указанное положение мусульманства сохранялось.

На рубеже XX–XXI веков в Кемеровской области, Алтайском крае и Республике Алтай были зарегистрированы десятки мусульманских организаций. Например, в Кузбассе действует Духовное управление мусульман Кемеровской области. Оно располагается в Соборной мечети Мунира г. Кемерово, являющейся духовно-культурным центром. Важной опорой ислама в институциональном плане являются диаспоры народов, традиционно исповедующих данную религию.

Государственная вероисповедная политика. В конце XIX – начале XXI века вероисповедная политика неоднократно претерпевала изменения в связи с глобальными историческими событиями, приводившими к корректировке позиции власти или смене государственных институтов вообще.

До буржуазно-демократических изменений в области свободы совести в 1905 году проводился специфический вероисповедный государственный курс. Все многообразие учений, которые исповедовались населением Российской империи, можно условно разделить на три группы конфессий. Привилегированное положение традиционно занимало православие, структуры которого с 1721 года через Святейший синод подчинялись императорской власти. Православная вера воспринималась в качестве государствообразующей. На протяжении XVIII–XIX веков государство поощряло переход в ее лоно представителей различных народов империи, при необходимости ограничивая миссионерскую деятельность других конфессий.

Вторую группу вероучений условно можно именовать «терпимые». К ней относились конфессии, которые являлись традиционными для этносов национальных окраин империи и укоренились в этнокультурной среде до включения территорий их расселения в состав Российского государства (например, этнические группы Горного Алтая были знакомы с тибето-монгольским буддизмом). Среди «терпимых» учений были ислам, католицизм, крупные направления протестантизма. Политика в отношении буддизма имела территориальную специфику: на юге Восточной Сибири это вероучение признавалось на государственном уровне и регулировалось государственными нормативно-правовыми актами [19], но на юге Западной Сибири его распространение считалось нежелательным [10, л. 295 об., 296].

И, наконец, к «нетерпимым» религиям причисляли прочие направления христианства: различные поздние протестантские деноминации, старообрядчество всех толков и согласий.

В ходе первой русской революции 1905–1907 годов были приняты два документа,

провозглашающие свободу совести. Это указ Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля [13] и манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 года [16]. По этому поводу в записках миссионеров АДМ отмечалось, что среди коренного и русского населения юга Западной Сибири наблюдалось охлаждение к православию и игнорирование проповедей [8, л. 14 об., 16 об.]. Но, несмотря на эти изменения в законодательстве, православие продолжало сохранять привилегированные позиции.

Однако стоит заметить, что деление конфессий на группы было весьма условным, и в разных частях империи отношение центральной и местной властей к тем или иным вероучениям могло отличаться. Это было связано, прежде всего, с конкретной этноконфессиональной и геополитической ситуацией в регионе, где географически располагалась национальная окраина империи. В нашем случае юг Западной Сибири рассматривался государственной властью как территория, где православие должно было стать основной конфессией коренного населения. В рамках правительственного курса на унификацию окраин с общеимперским устройством переход сибирских инородцев в буддизм или ислам означал бы появление новых трудностей в реализации намеченных планов. Оба этих учения ассоциировались с кочевыми традициями народов, которые их исповедовали. Первое несло потенциал монгольского образа жизни, второе было связано с казахами-кочевниками.

В советский период времени устанавливаются специфические отношения между властью и религиозными организациями. Территории современной Кемеровской области и сопредельных регионов в этом смысле не были исключением. Несмотря на тотальный контроль со стороны государства

религиозные организации продолжали свое развитие. Зачастую религиозные обряды и воззрения, вытесненные из общественной жизни, сохранялись в виде семейной традиции.

В 1920-е годы развернулось обновленческое движение, повсеместно поддерживаемое государством. Его деятели ставили своей целью демократизацию системы конфессионального управления, модернизацию богослужения, привлечение мирян для решения духовных вопросов. С позиции обновленчества проводили прямые параллели между церковным коллективизмом и марксистско-ленинскими идеями [5]. Феномен обновленчества стал инструментом советской власти против традиционных организационных структур и духовных лидеров православия, мусульманства и буддизма, но в итоге не был признан эффективным, поэтому функционеры этого движения так же подверглись репрессиям в 1930-е годы, как и традиционалистское духовенство.

Период 1943–1949 годов был относительно благоприятным для РПЦ. В ходе «коренного перелома» И. В. Сталин изменил свое отношение к этой религиозной организации. В результате впервые с 1925 года был избран патриарх, в регионах стали регистрироваться общины и открываться культовые сооружения. В Кемеровской области в 1945–1947 годы было зарегистрировано 15 православных приходов, в том числе пять церквей, десять молитвенных домов. Ситуация изменилась к началу 1950-х годов, партийно-государственные органы затягивали принятие решений по вопросам открытия новых приходов, многие общины действовали нелегально. Ряд молитвенных домов был закрыт под надуманными предлогами (например, в г. Гурьевск и г. Сталинск в 1949 году из-за несоответствия документации юридическим нормам и недостатков в обеспечении противопожарной безопасности) [14, с. 81].

Изменения в общественной жизни периода «оттепели» в Кузбассе, как и по всей стране, не коснулись религиозных организаций, которые продолжали свою работу в строгих рамках, определенных государством. Были активизированы антирелигиозная работа и атеистическая пропаганда. Органы государственной безопасности контролировали кадровую политику религиозных организаций. Например, в епархиях РПЦ, в том числе в Кемеровском благочинии, любое возведение или повышение в сане и назначение на новое место служения проходило с санкции подразделений органов государственной безопасности. В конце 1950-х годов на передний план с подачи государства стали выдвигаться не пропагандистско-агитационные методы противодействия религиозным организациям, а экономические. Например, резко была увеличена цена на свечи, параллельно возрастал подоходный налог с доходов свечных мастерских, однако Совет по делам РПЦ строго запрещал поднимать цены на свечи для прихожан, таким образом, издержки должны были покрывать религиозные организации, сокращая расходы на ремонт помещений, внутреннее обустройство культового сооружения, оплату труда церковным работникам. В начале 1960-х годов по настоянию партийно-государственных органов по всему СССР и на юге Западной Сибири, в частности, изменился порядок управления приходами РПЦ: были разведены духовное руководство жизнью церковной общины и хозяйственно-финансовые вопросы. Первыми ведал настоятель прихода, вторые передавались в ведение церковного совета во главе со старостой. Таким образом, усилилось влияние контрольных органов власти при фактическом двоевластии в приходах [6, с. 129].

В 1960-е – первой половине 1980-х годов государство во многом продолжало анти-

церковную политику предыдущего периода. В это время православные приходы испытывали затруднения в связи с нехваткой кадров, крайне не доставало специалистов с богословским образованием, поэтому священниками часто становились лица, обучавшиеся в приходах, а не в религиозных образовательных учреждениях европейской части РСФСР. Часть духовенства уезжала из Сибири [18, с. 364–365, 371].

В советский период времени на территории современной Кемеровской области и сопредельных регионов также велась целенаправленная политика по дискредитации мусульманского учения и его адептов.

Демократизация общественно-политической жизни в период перестройки коснулась церковно-государственных отношений. В 1988 году неофициально, но достаточно широко было отпраздновано 1000-летие Крещения Руси. На государственном уровне стала заметна тенденция отхода от антирелигиозной позиции, возобладал принцип свободы совести. Верующие теперь могли не только открыто демонстрировать свои духовные предпочтения, но вести работу с целью привлечения в свои общины новых последователей.

Сегодня ограничительные вероисповедные меры со стороны государства не применяются. Конфессии и их адепты могут беспрепятственно осуществлять культовую практику и способствовать распространению своих воззрений, если эти действия не подразумевают свержение конституционного строя, не содержат призывов к разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни.

Синкретизация. Динамичное сочетание догматических и обрядовых элементов разных вероучений в процессе их распространения обусловлено тем, что, помимо взаимодействия адептов, являющихся носителями концептуального религиозного сознания,

серьезную роль играли бытовые контакты последователей тех или иных вероучений. Христианизация коренного населения Сибири велась двумя путями. Первый из них предполагал организованное и целенаправленное приобщение к православию. Инициаторами таких действий являлись государство и РПЦ в лице АДМ. Второй путь являлся подспудным и характеризовался проникновением христианской культуры в духовный мир коренного населения посредством бытовых контактов, взаимодействия инородцев с русскими переселенцами [2, с. 18]. Таким образом, православие воспринималось не только как вероучение, продвигаемое и всеильно поддерживаемое государственной властью, но и как мировосприятие простого оседлого населения, иной способ построения религиозной картины мира и сверхъестественного общения человека и природной среды. Следует учитывать, что простые переселенцы являлись носителями в том числе народной синкретической формы православия.

Последний способ распространения христианской веры был характерен также для старообрядчества, которое не поддерживалось царской администрацией. Руководство АДМ, судя по сведениям должностной переписки, внимательно следило за действиями своих рядовых служителей на местах и стремилось пресечь их действия, которые могли способствовать переходу в старообрядчество русского и инороднического населения («уходу в раскол») [7, л. 2–3 об.].

В среде коренного населения более опасным соперником православия стало бурханистское движение. Его истоки находились в духовной культуре автохтонного населения юга Западной Сибири и восходили, по самым смелым оценкам, ко времени древнетюркского или, как минимум, монгольско-джунгарского господства. В начале XX века это воздействие усилилось и, помимо разно-

образных составляющих, имело буддийский компонент. Вероучение и культовая практика «белой веры», как ее именовали сами приверженцы, стали ярчайшим примером синкретизации. Четко выраженные мессианские чаяния (ожидание прихода Ойрот-хана у алтай-кижи [10, л. 3–4], Шоно у телеутов [21, л. 63]) по форме напоминали христианские представления о божественном посланнике (хотя их абсолютизация наталкивала на мысль об опосредованном воздействии староверческих апокалипсических воззрений), но по содержанию восходили к центрально-азиатской религиозной традиции. Тенденция к монотеизму (поклонение богу Бурхану) также указывала на определенную результативность миссионерских действий АДМ, однако при более детальном анализе в ней читалась направленность тибето-монгольского буддизма к теизации [17, с. 24–26]. Г. Н. Потанин определял стремление бурханистов к единобожию воздействием ислама [20, с. 3].

События 1905–1917 годов, как уже отмечалось, способствовали укреплению свободы совести. Последовавшие затем столкновения времен гражданской войны определили противоречивые тенденции национального самоопределения и сепаратизма. В условиях ослабления, а затем насаждения тотального государственного контроля синкретизация стала приобретать бытовые формы, ее проявления скрывались от внешнего окружения, не имели, как правило, публичного выражения.

На сегодняшний день примечательным примером синкретизации, на наш взгляд, является деятельность Общества Рерихов. Хотя по большинству признаков организация, имеющая разветвленную сеть отделений в городах России и, в том числе, на юге Западной Сибири, не является религиозным объединением, мировоззрение ее активных функционеров имеет синкретический характер. В нем

сочетаются различные элементы неоориенталистской (главным образом, буддийской) и христианской эзотерики.

Стереотипизация. Рассматриваемый процесс формирования устойчивых социальных образов-штампов весьма сложен. Сам по себе он предполагает два взаимодействующих между собой компонента: личный опыт индивида и обобщенный, скорректированный временем совокупный социальный опыт, выражающийся в системе взглядов, воспринимаемых человеком с детства от непосредственного окружения. В первом случае в процессе взаимодействия происходит зрительная фиксация участников и среды общения. В ходе контакта формируются визуальные образы. Их восприятие человеком строится во многом на внутренней эмоциональной реакции, затем личный опыт многократно усиливается ассоциативными связями [3, с. 264–265]. Во втором случае индивид в виде социальных стереотипов (штампов, ярлыков) имеет определенную информацию о противоположной стороне взаимодействия, но она не является результатом его собственных ощущений и мыслительных действий, а передана ему этническим сообществом через воспитательно-образовательную традицию, поэтому не может адекватно дать развернутое представление о другом субъекте контакта и, следовательно, формирует предубежденность.

Рост популярности бурханизма в отдельных районах юга Западной Сибири способствовал стереотипизации. С точки зрения Г. Д. Няшина, изложенной в докладе на заседании Алтайского географического общества в 1930 году, поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов привело к снижению авторитета российского императора (в инороднической среде весьма устойчивый стереотип о его всесильности был поколеблен) и росту интереса к неизвестному япон-

скому монарху. Успех вооруженных сил последнего в войне и общественный резонанс культивировал мессианские идеи в автохтонной среде [9, л. 8].

С советский период с подачи официальной государственной идеологии религия считалась общественным пережитком, заблуждением. Атеистическая пропаганда преподносила лояльное отношение к вере, сохраняющееся в народной среде, как устаревшим представлениям старшего поколения. Воспитание молодого человека не подразумевало приобщение к религии, поэтому, например, членам ВЛКСМ нельзя было креститься и выполнять другие церковные обряды. На граждан, активно выступающих за приобщение населения к какому-либо вероучению, особенно сектантской направленности, воздействовали через родственников. Региональные подразделения органов государственной безопасности активно участвовали в антирелигиозной пропаганде среди населения. Их представители выступали с лекциями в аудиториях, в печати, по радио и телевидению. Так, в газетах преувеличивались и высмеивались недостатки отдельных представителей духовенства [6, с. 129–130].

В постсоветский период роль стереотипизации в межконфессиональном взаимодействии и распространении вероучений резко возросла. Это было связано с ликвидацией ограничений на выезд в другие страны, отменой государственной цензуры в средствах массовой информации, публичной сфере, «религиозным возрождением» (стремлением значительной части общества восстановить религиозные традиции), модой на религиозность. С одной стороны, уход в прошлое антирелигиозной риторики и целенаправленной пропаганды способствовал укреплению положительного имиджа религиозных организаций, с другой стороны, остро встал вопрос морального облика отдельных служите-

лей, с которыми верующие и потенциальные последователи сталкиваются в повседневной жизни. Примечательно, что современный комплекс мероприятий, проводимых религиозными организациями с целью распространения учения, одновременно является действиями, формируемыми стереотипы о духовенстве.

На сегодняшней день в Кемеровской области и сопредельных регионах Российской Федерации структуры РПЦ ведут весьма активную деятельность в области сохранения историко-культурного наследия, патриотического и духовно-нравственного воспитания. Так, в Кузбассе проводятся Иоанновские образовательные чтения, в 2012 году были организованы Первые региональные право-

славные чтения для школьников, совместно с Кемеровским государственным университетом культуры и искусств работал круглый стол «Духовность в современном российском обществе: проблемы и стратегические ориентиры».

Подводя итог, отметим, что в комплексе ретроспективно рассмотренные составляющие механизма распространения религии позволяют учесть все важнейшие факторы этого сложного процесса. Результативность внедрения вероучения в новую этнокультурную среду зависит не только от эффективности структуры и правильности выбранных методов проповеднической работы, но и от внешних компонентов, таких как, например, складывание социальных стереотипов.

Литература

1. Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакаско-Минусинского края в XVII–XIX века): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Томск, 2011. – 43 с.
2. Асочакова В. Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – 2009. – № 4–3 (64). – С. 15–18.
3. Ахьямова Ю. Р. Визуальные образы и их роль в межконфессиональном взаимодействии // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 1. – С. 264–267.
4. Белозерова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 17. – С. 59–65.
5. Всесоюзный съезд буддистов (обновленцев) 20–25 января 1927 года // Антирелигиозник. – 1927. – № 3. – С. 47–49.
6. Горбатов А. В. КГБ и религиозные организации в Сибири // Вопросы истории. – 2008. – № 6. – С. 128–132.
7. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 164. Оп. 1. Д. 55.
8. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 42.
9. ГААК. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 18 а.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
11. Дни Тибетской культуры в г. Кемерово (11–15 мая 2011 года) // Личный архив автора.
12. Журналы заседания Святейшего синода Русской православной церкви от 26 июля 2012 года, журнал № 65 [Электронный ресурс] // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2367549.html> (дата обращения: 09.04.2013).

13. Именной высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года // Полное собрание законов Российской империи – III. – Т. XXV: 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.
14. Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г. Т. Шалакин. – Новосибирск: Вояж, 2003. – 304 с.
15. Лысенко Ю. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Барнаул, 2011. – 52 с.
16. Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года // Ведомости СПб. градоначальства. – 1905. – 18 октября. – № 221. – С. 1.
17. Насонов А. А. Распространение ламаизма на территории Алтае-Саянского региона (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 2011.
18. Овчинников В. А. Кемеровское благочиние Новосибирской епархии в епархиальных отчетах 1972–1990 годов // Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: библиогр. справочник / науч. ред. В. А. Волчек. – Кемерово: СКИФ, 2011. – С. 364–365.
19. Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири (высочайше утверждено 15 мая 1853 года) // Вашкевич В. В. Ламаиты в Восточной Сибири. – СПб.: Типография МВД, 1885. – С. 127–137.
20. Потанин Г. Н. Среднеазиатский мессианизм // Сибирская жизнь. – 1904. – 18 июля (приложение). – С. 2–4.
21. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 135. Оп. 2. Д. 101.
22. Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Барнаул, 2007. – 52 с.
23. Черняк М. В. Условия формирования толерантности в пространстве современной городской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 97–101.
24. Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы от 25 сентября 1864 года // Русско-китайские отношения (1689–1916 годы): официальные документы. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 46–49.
25. Шишков В. Я. По Чуйскому тракту // Сибирская жизнь. – 1913. – 20 июля. – С. 2.

Literatura

1. Asochakova V. N. Zapadnosibirskaja model' hristianizacii: harakter, mehanizm, osoben-nosti (na primere Nakassko-Minusinskogo kraja v XVII–XIX veka): avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. – Tomsk, 2011. – 43 s.
2. Asochakova V. N. K voprosu o periodizacii missionerskoj dejatel'nosti Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Sibiri // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, politologija. – 2009. – № 4–3 (64). – S. 15–18.
3. Ah'jamova Ju. R. Vizual'nye obrazy i ih rol' v mezhhkonnessional'nom vzaimodejstvii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2012. – № 1. – S. 264–267.
4. Belozerova M. V. Mul'tikul'turnaja politika i tolerantnost': problemy formirovanija na federal'nom i regional'nom urovnjah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 17. – S. 59–65.
5. Vsesojuznyj s'ezd buddistov (obnovlencev) 20–25 janvarja 1927 goda // Antireligioznik. – 1927. – № 3. – S. 47–49.
6. Gorbatov A. V. KGB i religioznye organizacii v Sibiri // Voprosy istorii. – 2008. – № 6. – С. 128–132.
7. Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (dalee – GAAK). F. 164. Op. 1. D. 55.

8. GAAK. F. 164. Op. 2. D. 42.
9. GAAK. F. R-486. Op. 1. D. 18 a.
10. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti. F. 3. Op. 12. D. 688.
11. Dni Tibetskij kul'tury v g. Kemerovo (11–15 maja 2011 goda) // Lichnyj arhiv avtora.
12. Zhurnaly zasedanija Svjatejshego sinoda Russkoj pravoslavnoj cerkvi ot 26 ijulja 2012 goda, zhurnal № 65 [Elektronnyi resurs]// Russkaja pravoslavnaja cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. – Rezhim dostupa: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2367549.html> (data obrashchenija: 09.04.2013).
13. Imennoj vysochajshij Ukaz, dannyj Senatu, «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» ot 17 aprelja 1905 goda // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii – III. – T. XXV: 1905. – SPb., 1908. – S. 237–238.
14. Kemerovskaja i Novokuzneckaja eparhija Russkoj Pravoslavnoj cerkvi / red. G. T. Shalakin. – Novosibirsk: Vojazh, 2003. – 304 s.
15. Lysenko Iu. A. Missionerskaja dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Kazahstane (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka): avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. – Barnaul, 2011. – 52 s.
16. Manifest Nikolaja II «Ob usovershenstvovanii gosudarstvennogo porjadka» ot 17 oktjabrja 1905 goda // Vedomosti SPb. gradonachal'stva. – 1905. – 18 oktjabrja. – № 221. – S. 1.
17. Nasonov A. A. Rasprostranenie lamaizma na territorii Altae-Sajanskogo regiona (konec XIX – pervaja tret' XX veka): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Tomsk, 2011.
18. Ovchinnikov V. A. Kemerovskoe blagochinie Novosibirskoj eparhii v eparhial'nyh otchetah 1972–1990 godov // Novomucheniki i ispovedniki zemli Kuzneckoj: bibliogr. spravocnik / nauch. red. V. A. Volchek. – Kemerovo: SKIF, 2011. – S. 364–365.
19. Polozhenie o lamajskom duhovenstve v Vostochnoj Sibiri (vysochajshe utverzhdeno 15 maja 1853 goda) // Vashkevich V. V. Lamaity v Vostochnoj Sibiri. – SPb.: Tipografija MVD, 1885. – S. 127–137.
20. Potanin G. N. Sredneaziatskij messianizm // Sibirskaja zhizn'. – 1904. – 18 ijulja (prilozhenie). – S. 2–4.
21. Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk. F. 135. Op. 2. D. 101.
22. Sofronov V. Ju. Missionerskaja dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Zapadnoj Sibiri v konce XVII – nachale XX veka: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. – Barnaul, 2007. – 52 s.
23. Chernjak M. V. Uslovija formirovanija tolerantnosti v prostranstve sovremennoj gorodskoj kul'tury // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 15. – S. 97–101.
24. Chuguchakskij protokol o razmezhevanii rusko-kitajskoj granicy ot 25 sentjabrja 1864 goda // Russko-kitajskie otnoshenija (1689–1916 gody): oficial'nye dokumenty. – M.: Izdatel'stvo vost. lit-ry, 1958. – S. 46–49.
25. Shishkov V. Ja. Po Chujskomu traktu // Sibirskaja zhizn'. – 1913. – 20 ijulja. – S. 2.